

Юная прекрасная девица улетает далеко-далеко

Ах, та-а-ак?

А ну и пусть! Е!

Переключаюсь на позитив.

Пойду гулять тогда!

Надену толстовку и поскачу

Толстовку, так мягко облегающую все мои чресла и
телеса, томно-синюю, уютную

И буду скакать, как мячик, мягкий и теплый

И накину на плечи некрасовку

Она будет развеваться за мной крылами,

И я стану похожа на маленький розовый шквал —
стремительная, легкая, летящая

И сверху нацеплю непременно шаляпинку — для форса

Как же без шаляпинки — ведь я кокетлива до безумия!

Буду глазками стрелять из-под шаляпинки. и лукаво улы-
баться — веселый озорной ураган

Может быть, добавить каштанку? Нет, перебор, обойдемся
без каштанки. И без каштанки, наверное, это на Карлсона
уже похоже, помнишь:

«Юная прекрасная девица улетает далеко-далеко!»

ИГРЫ С ФОРТУНОЙ

Мы пойдем другим путем

Вдохновение выдохнуло и пробурчало:

— Ну ладно, давай еще раз попробуем...

Разбежалось (хотя разбежаться в захлавленной мастерской было довольно проблематично) и в стремительном полете попыталось слиться с ясным сознанием поручика Оборжевского, но застряло в складках его причудливого интеллекта.

Поручик аж покачнулся в седле от этого мощного порыва, но усидел. Впрочем, если бы он и упал, то с седлом не расстался — к седлу он надежно был приклеен суперклеем «Момент». Он лишь немного провернулся на вертючем стульчике, к которому седло было приделано, но глаз от монитора не отвел и рук с клавиатуры не убрал.

Так и руки-то у него тоже были этим «Моментом» надежно зафиксированы — для верности, и еще пара никелированных браслетов украшала запястья, а цепочка от них тянулась куда-то под стол.

Поручик Оборжевский заржал и, давясь от хохота, проговорил:

— Ну что? Не выходит? Не выходит Каменный цветок, а, Данила-мастер? Творческий запор, да?

Вдохновение сникло и устало опустилось на диванчик: нет, не выходит...

Поручик Оборжевский хотел было приободрить вдохновение, но уже по самые ушки засунул голову в монитор, и оттуда слышалось его заливи-стое ржание.

Вдохновение погрузило на диване, хотело было убрать остатки дружеского пира со стола, но, уронив пару тарелок и разбив рюмку, бросило это неблагодарное занятие.

Оно наугад взяло книжку из стопки, стоявшей на полу в прихожей. Это был старинный учебник истории, без обложки, истрепанный, с закрашенными фиолетовыми чернилами буквами «О» и портретом Наденьки Крупской с бородой и банданой на голове. Вдохновение открыло наугад страницу и ткнуло пальчиком в первую попавшуюся фразу. «Мы пойдем другим путем» — значилось под пальцем.

«Ленин какой хитрый! — подумало вдохновение. — Пошел другим путем — и нате вам, получилось у него! А я что сижусь? Я тоже другим путем пойду! Что я все в сознание да в сознание? Где

Лисси Мусса

мой творческий запал, где изобретательность, наконец?»

Вдохновение покопалось в куче бумажек, выудило несколько цветных ярких листочков, из другой кучи появились ножницы, и работа закипела!

Через несколько минут разноцветные окошки украшали монитор со всех сторон. Уместилось их ровно тринадцать. Монитор был похож на сказочный домик: из всех окошек доносились разные звуки, сиял где-то свет, а в некоторых двигались силуэты за занавесками.

— А мы пойдем другим путем! — напевало вдохновение, пританцовывая и перекатывая во рту вкусную шоколадную конфету.

Оборжевский ничего не замечал. Он сидел в других окнах — открытых внутри монитора, — там мелькали знакомые страницы Яндекса, ровным серым цветом светился форум, рассыпались в мелкий дребезг квадратики Маджонга, изредка мелькали картинки фотошопа и прыгал по экрану смешной человек-помощник из офисной программы.

Вдохновение тем временем приделывало к монитору кнопку переключателя — здесь как раз пригодился гигантский тюбик клея «Момент», который валялся на компьютерном столе среди еще доброй сотни других мелочей и крупночей.

ФГУП ФПЦО МОРФ — вдохновение подняло с полу наугад какую-то бумагу, которая оказалась официальным документом, носившим гордое и

солидное имя «счет-фактура», а эти загадочные буквы стояли в графе «Поставщик».

— О! Это будет включительная мантра! — Вдохновение от удовольствия захлопало в ладоши.

— Итак, начинаем! — Вдохновение вскарабкалось на диванчик, привязав на ручки-ножки золотые конфетные фантики и, громко икнув от волнения, нараспев проорало загадочные буквы, раздув щеки на последней «ф». И произошло чудо! Наклеенные на монитор окошки засветились разноцветными огоньками, послышалась веселая музыка, и голова Оборжевского вынырнула из монитора. Враз отклеились пальцы поручика от клавиатуры, со звоном отщелкнулись браслеты наручников, и отсиженная многомесячным сидением попа приподнялась с седла. Поручик Оборжевский громко ржал! В его белоснежных зубах был зажат сверкающий DVD-диск. Оборжевский вскочил на ноги, щелкнул каблуками, аккуратно положил диск в прозрачную коробочку, схватил в охапку вдохновение и громко расцеловал в бледные щечки.

— Ура!!! Победа!!! — грохотал он басом сквозь хохот. — А что мы такие бледные? — озадаченно спросил Оборжевский.

— Давно не гуляем. — Вдохновение вздохнуло.

— Как это не гуляем? Гуляем!!! — Оборжевский снова весело заржал. — Гуляем!

— А это что? — вдохновение ткнуло пальчиком в коробочку с диском.

Лисси Мусса

— А это — так это то, что сложилось в компьютере, да никак не доставалось — в окно не пролезало. А потом вот что-то щелкнуло, и вдруг все досталось. Это книжки новые — тринадцать штук. Целый год сочинял! А теперь — гулять гулямбу!!!

Оборжевский зазвенел шпорами, заблестел эполетами, загремел ключами, распахнул дверь и бодро запрыгал по лестнице, нежно прижимая к себе вдохновение.

— Ну, куда идем гулять? — хохоча, спросил он.

Вдохновение обрадованно и с восхищением таранилось на Оборжевского:

— Пойдем куда-нить. Впрочем, давай сходим на Красную площадь, к Мавзолею.

— Зачем? — удивленно выпучил глаза Оборжевский.

— Да на Ленина погляжу, — захихикало вдохновение.

Конфета-Поэта

Она считала себя неудачницей. Роскошные мужские тапочки стояли на почетном месте, но надеть их было некому. Ее ветреный приходящий друг Роман любил шлепать по светлым полам босиком, а гостям случайным она тапки эти и не показывала.

Редкий гость Роман сорил фантиками, напевая: «Свежее дыхание облегчает понимание», закидывал в рот пару мятных горошин, она сразу

вспоминала, что следует дальше в рекламном ролике, закрывала глаза и подставляла лицо для поцелуя, но он уже шуршал газетой в кресле и мурчал «сердце красавицы...». Она не роптала, она просто тихо грустила, наблюдая в телевизоре жаркие страсти сериалов, соглашаясь внутренне даже на семейные сцены, лишь бы семейные, а с ее ангельским терпением она и не допустит разладов в своей семье.

Роман прибежал разряженный, как принц на балу, и она зажмурилась от радости, предвкушая театр или ресторан, но оказывалось, что ему некуда деваться полтора часа, а в восемь у их коллектива корпоративная вечеринка, и он пока кофе попьет: «Сделай, малыш, хорошо? Только некрепкий, и сахарку побольше, а я пока позвоню по делам».

Уже в тапках лежала и красивая зажигалка, которую она купила на Валентинов день и так и не отдала почему-то Роману. Зажигалка светилась изнутри космическим синим светом, и стоило ее взять в руки, начинала сверкать разноцветными огнями — просто волшебная зажигалка! Еще в тапках пряталось маленькое шоколадное сердечко в красном золотце — она не смогла пройти мимо такой красоты в супермаркете и цапнула аж три коробочки сердечек, и вот последнее чуть не погибло в лапах сладены Романа, который смолотил все три коробки в один присест.

А долгожданный «Золушка» все не объявлялся.

Лисси Мусса

В один прекрасный день она хлопнула дверью. Нечаянно. Ворвался сквозняк и буквально вырвал дверь из рук и хлопнул ею громогласно.

«О! У нас скандал и хлопанье дверьми...» — подумала она печально и пошла гулять, лишь бы не сидеть в доме в одиночестве.

Во дворе было грязно и сыро — конец марта — и пусто. Только странноватое дитя возилось в луже с какой-то пакостью, видимо, воображая, что это кораблик. Она подошла ближе и удивилась — упитанная деточка возила в ледяной воде большой зеленый бумажный кораблик, на котором уютно устроились две шпротки, и бормотала приятным совсем недетским баритоном:

«Из бухты-Барахты-вышли-две яхты-гружены-волосами-под всеми-парусами...»

Она чуть не подпрыгнула от изумления. А деточка подняла лицо и оказалась круглолицым небритым господином средних лет, одетым в зеленую курточку, полосатую шапочку с кошачьими ушками и лыжные малиновые штаны. Он взглянул на нее круглыми шмелевыми глазами и продолжал бормотать свою странную мантру, в которой она разобрала-таки слова, но смысл их был странный и загадочный:

Из бухты Барахты
Вышли две яхты
Гружены волосами
Под всеми парусами

Завтра к середине дня
Будет грива у меня!
Куплю желтую расческу
Гриве сделаю прическу
Гриве пива предложу
Рубль на гриву положу
Пусть дивится вся родня
Что за грива у меня!

Шпроты катались на кораблике, сверкая золотыми животиками, вода заливалась в кораблик, руки странного господина были сине-багровые от холода, а лицо — вдохновенным, как лица городских сумасшедших.

— Вы простудитесь, — пожалела она убогого, — когда в воде холодной долго возиться, насморк бывает.

Странный господин поднялся с корточек и оказался похожим на Винни-Пуха — невысокого росточка, круглый и небритый. «Смуглый, круглый и небритый. Дядя Киви получается», — улыбнулась она про себя.

— И не Гиви вовсе. Я Фей. Фей Хуан. Не путать с Доном Хуаном — я по другой части, я к барышням тоже равнодушен, но без ихнего фанатизма. — Толстячок пытался смотреть строго, но сделать каменное лицо из его мягких круглых щечек было сложно.

— Я волос себе заказал, — он кивнул в лужу, — к вечеру должны вырасти!

Лисси Мусса

Он сдернул смешную детскую шапочку и оказался круглоголовым лысым колобком, вернее сказать, голова его была так же небрита, как и круглые щеки. Он потрогал щетину на макушке и довольно улыбнулся:

— Обрастаю уже! А тебе измениться надо, — сказал он, — а то ходишь, как ворота футбольные на пустом поле.

— Это как? — она ахнула. — Как это — ворота футбольные? И почему ходят по полю?

— Вот и я говорю — почему? — Винни-Фей (так ее сознание обозначило странного господина) изучал ее с большим интересом, оглядывая со всех сторон. — Представь себе: поле футбольное пустое и неухоженное, дождик и слякоть, а по полю футбольные ворота бродят неприкаянные и стонут: «Где мой вратарь? Я бутсы ему купила, а его все нет, только прохожие нахальные иногда забегают, да тут же и выбегают». И сеточка обвисла, и столбики некрашенные...

Более поразительных вещей она никогда в жизни не слыхивала — Винни-Фей в двух словах точнейшим образом описал ее состояние и ощущение себя в мире — именно ворота, которые ждут своего вратаря, который будет их защищать и оберегать, а она будет гордиться им и создавать вокруг него уют — начищать сеточку, полировать столбики... Слезы навернулись на глаза, стало жалко себя, и она сразу озябла.

— Не кисни! — Фей уже трижды обошел вокруг нее. — Не кисни — это самое главное! Во-

первых: заведи музыку в доме. Веселую. Чтоб ноги сами в пляс. Упал-отжался-станцевал! Во-вторых: перестань бродить по полю. Займись собой — улыбаться потренируйся вот, глазки строить, хихикать вот тоже научись. И не спорь! — Винни-Фей погрозил ей пальцем и даже топнул. Она выдохнула воздух, которого набрала полные щеки, готовясь достойно возразить. А Фей Хуан продолжал, немного кипятясь уже:

— Ты хихикать пренебрегаешь и «что ли, я дура — хихикать?» говоришь, а что ли, ты умная? Тебе в семью надо или в библиотеку? Или в семье ты будешь только о высоком рассуждать? Я б первый от тебя сбежал — не жена, а лекция. Смеяться не умеет, за попу не ущипнешь — обидится, в игры не играет, с поцелуями не пристаёт. Ты и глупостей не говоришь небось? — Фей с сожалением смотрел на нее. — И сказок не сочиняешь?

— А сказки зачем? — она не переставала удивляться и не успевала обидеться речами Винни-Фея. — Сказки-то мне зачем сочинять? Детей же у меня нет, кому я их буду рассказывать — Роману, что ли?

— Да при чем здесь Роман! Себе, душа моя, себе ты должна сказки рассказывать! Всякие волшебные сказки рассказывать и картинки волшебные показывать! Вот я поинтересуюсь: ты для себя что делаешь?

— Все делаю, — она возмутилась, — да я ВСЕ для себя делаю!

— Вот и враки! — Винни-Фей рассмеялся. —

Лисси Мусса

Твое ВСЕ — это НИЧЕГО на самом деле. Ты и трех дел не назовешь.

— Как это не назову? Вот, например, я читаю для себя — это раз!

— Ага, еще скажи — зубы чищу и уши мою, как раз три получится. Вот скажи — ты для себя отдыхать когда ездила? Чтоб просто так — для себя. Не за компанию, не попутно дела какие-то решаю, не потому, что звали сильно, а просто — потому, что устала? Или массаж — не потому, что спина болит или шея не гнется, а потому, что приятно? Или бабу снежную лепила, может быть? Или стихи, может быть, сочиняла? Про весну вот — самое время сочинять: весна, пичужки, всякая фигня романтическая...

Она готова была уже рассердиться — что за глупые разговоры! — но что-то останавливало ее, и она в растерянности забормотала о нехватке времени, о невозможности вырваться, о том, что для себя она не привыкла...

— Не мороси! — Нахальный Фей снял свою смешную шапочку, достал из нее леденец и протянул ей: — Держи — это конфета-поэта.

— Чья конфета? — Она недоверчиво повертела ее в пальцах, с изумлением глядя на лысину Фея, которая покрылась уже двухсантиметровой рыжеватой прической.

— Ничья. Это сорт такой. Есть, допустим, «Золотой Петушок», он же Павлин-Мавлин, а это — Конфета-Поэта, понятно?

— Непонятно, — она сунула конфету в рот, разглядывая фантик, — а по вкусу — это «Взлетная», — определила она.

— Ага, сейчас взлетишь, — Фей Хуан смотрел на нее выжидательно. — Ну что ты молчишь, давай!

— Что — давай? — удивилась она?

— Стихи давай! Я ж тебе конфету-поэту вручил и тему дал: весна, пичужки, фигня всякая!

Она от неожиданности чуть не поперхнулась конфетой, но вдруг открыла рот и, ощущая себя против всяких законов реальности, неожиданно произнесла, немного запинаясь:

Весна...
Пичужки...
всякая фигня... —

сама удивилась словам, которые явно совершенно самостоятельно, а не по велению ее воли вылетали изо рта, и воскликнула громко:

Хочу туда, где явно нет меня!

И вдруг успокоилась. Улыбнулась. Посмотрела на Фея, который кивал ей одобрительно, и продолжала уже совершенно свободно:

Хочу туда, где ясен горизонт,
Где у воды большой дырявый зонт,
Где море бьется, свежестью маня,
Таверна, парус, всякая фигня...

Лисси Мусса

Фей, неотрывно наблюдающий за ней, довольно перевел дух, улыбнулся и вдруг брякнул ехидно:

И жесткий грязный лежак на гальке.

Она, совершенно ошарашенная происходящим, попыталась слабо возмутиться, но вместо этого снова задумалась на секунду и, словно разглядывая морской пейзаж, гальку, отблески солнца на воде, изрекла, на этот раз еще более уверенно:

Таверна, парус, всякая фигня...
набухла влагой неба простыня
седая чайка бродит по воде
под солнцем море розовое, где
в тумане дымном плавится маяк...

...

Какой же гад оставил здесь лежак?

Фей довольно потер ручки:

— Отличная работа! Мастак я все-таки! Ведь умею, когда захочу!

Сунул руку в карман и вытащил еще одну конфету:

— Держи! Заслужила!

Она разглядывала с интересом зеленый с золотом фантик:

— А это для чего конфета? Как называется?

— А для чего хочешь. Как назовешь — тем она

и станет. Хочешь — «Конфетой-Золотой Моне-той», а хочешь — «Завлекалочкой Безотказной». Или «Свадебным Тортом».

— А разве я могу? Я разве сумею, как надо?

— Да все ты можешь! Ты действуй, а не сомневайся. Сомневаться — от слова «мять». То есть все, что задумала, — смяла и выкинула. Сама смяла — своими собственными ручками. А ви-нишь Судьбу да Фортуну. А они и ни при чем со-всем. Поэтому — без сомнения — назвала конфе-ту и слопала ее со вкусом. Действуй!

Она прижала конфету к щеке и начала вспо-минать заветные желания.

Фей рассмеялся:

— Когда открываются Большие Возможно-сти — оказывается, что желания твои — не только любовь и замуж, да?

Она задумалась на секунду и согласно кивну-ла, улыбаясь.

— Ну ладно, я пошел, мне в парикмахерскую пора! — Фей Хуан сдернул шапочку, потрепал из-рядную уже гриву, которая медными крупными кольцами напознала ему на глаза и уши, махнул ей ручкой и поскакал через лужи на Садовую.

Премия

Клюква закопалась в черновиках с головой и оттуда громко сказала нараспев:

— Один в поле не воет!

Лисси Мусса

Потом подумала, пошуршала бумагой и продолжила:

— И два не воют!

Еще подумала как следует, поглядела на потолок и закончила:

— А трое — идут пить шампанское! Чего бы им выть-то?

С кучи черновиков слетела Ворона и продемонстрировала хрустальный фужер.

— Ты о чем? — спросила Клюква

Ворона высунула язык и скорчила рожу. Клюква сделала вывод — хочет!

— Хочу! — каркнула Ворона и намекнула на шампанское.

— Пиши заявление, — мрачно протянула бумагу Клюква.

Ворона проглотила лист, брякнулась оземь и превратилась в серый красивый ящик факсового аппарата.

— Ешкин кот, опять я за старшего! — проворчала Клюква и ударила по клавишам факса, пытаясь сыграть «Мурку». Факс загудел, подмигнул игриво зеленым глазом, чавкнул плотоядно и выпустил рулон белоснежной бумаги, на котором ярко выделялась шапка-заглавие:

ИНТЕРЕСНЕЙШЕЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ ВОЛШЕБНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Факс пискнул, требуя бумаги. Клюква на ощупь схватила стопку листов из черновиков и

сунула в брюхо факса. Теперь она аккуратно потыкала в кнопки, набирая «Танцующего лебедя» Сен-Санса. Факс пожевал-поурчал-почмокал и выдал еще один аккуратный рулончик, который, заворачиваясь в трубочку, явил пеструю картинку: европейские дензнаки были впечатаны в середину рулона.

Клюква с интересом осмотрела полученные произведения и нажала зеленую кнопку. Факс встрепенулся, каркнул и стал Вороной.

— Ты кто? — спросила Клюква.

— Я Аист! — сказала Ворона.

— Похоже, — сказала Клюква. — А что ж ты так чавкаешь?

— Жрать хочу, — сказал Аист-Ворона.

— И эту кучу сожрешь?

— Не вопрос. — Вороне надоело намекать, она тюкнула клювом пробку, которая незамедлительно выстрелила в потолок, и шампанское полилось в подставленный фужер.

— Это зачем? — поинтересовалась Клюква.

— Запивать, — сказала Ворона. Начала что-то сосредоточенно считать в уме, забормотала: — Десять градусов... значит, глотков двадцать семь делаем... иначе некондиция получится...

Отпила глоточек, затем с деловым видом подошла к куче черновиков, разинула рот на 270 градусов и, помогая себе лапами, как снегоуборочная машина, загребла все черновики в вывернутый почти наизнанку клюв. Звучно глотнула и клюв с

Лисси Мусса

грохотом захлопнула. Сделала интересное движение горлом, лихо тянула шампанского до дна и деловито спросила:

— Куда снестишь?

Клюква подставила новенький чемоданчик-«дипломат».

Ворона лихо запрыгнула в него, завияла нижними чакрами, и через мгновение двадцать семь новеньких творений в три ряда красовались в чемодане, сверкая лаковыми боками и пестрыми наклейками.

— Ух ты! — Клюква восхищенно разглядывала изделия. Эту «Канцелярию» она задумала сто лет назад, и книга была уже написана на куче черновиков, но никак собраться не могла, а теперь вот — бац! — и готово!

А Ворона тем временем вытолкнула из-под крыла большую медаль и уже прилаживала ее на грудь Клюкве.

— Что это? — Клюкве сразу понравился блестящий кружок с какими-то невиданными доселе буквами.

— Да премия, — усталым голосом существа, денно и ночью раздающего премии, произнесла Ворона, — Букеровская.

— Кому? — уже догадываясь и розовея от удовольствия, спросила Клюква.

— Дык тебе! — и Ворона ехидно добавила: — Можешь даже заявления не писать!

Перламутровый сервиз

Жила-была девочка. Жила она, прямо скажем, скучно. То есть совсем невесело. И эта девочка всем была все должна.

Должна учиться.

Должна трудиться.

Должна не высовываться.

Должна слушаться.

Должна быть скромной в своих желаниях.

Однажды ей надоело все это, что это она всем должна — подумала девочка, которая к тому времени тетенькой стала, а вслух спросила:

— Ну почему я все время должна что-то делать — не делать?

— А как ты хотела? — ответила ей старая, в смысле верная, подруга. — Чтобы все тебе доставалось на блюдечке с голубой каемочкой?

И подруга кивнула на огромное фарфоровое блюдо с голубой полоской по краю.

— А почему бы и нет? — решила тетенька. И стала вспоминать, что она хочет и от чего должна отказываться. Она хотела, как выяснилось, немало:

Новую дубленку и сапоги.

Вынуть мужа Петьку из-под старого «Запорожца», под которым тот валялся все выходные, и обратить его взоры к себе. Для этого она захотела новую машинку для Петьки.

Она захотела занять чем-нибудь приятным на-

Лисси Мусса

чальницу Стеллу Сигизмундовну, чтобы та отвяла от нее со своими претензиями и бессмысленными заданиями.

Она захотела провести отпуск не на грядках в Момино, а у моря теплого.

И тогда тетенька решила действовать!

Она подумала и придумала: для исполнения желания нужно поместить символ желаемого посреди блюдечка с голубой каемочкой: денежку, или картинку с морем и пальмой, или логотип фирмы, от которой благ требуется, или фамилию директора, с кем договор заключать, или красивый брелок к ключам от новенькой машины, или еще что нужное.

И стала по одному все это помещать, и стали ей эти блага сыпаться из тарелочки щедрой волной. Первой дубленка выскочила, за ней сапоги итальянские на каблучке да с блестящими камушками. Потом ключи от машины зазвенели и сама машина во дворе забибикала. Петька тут же мухой вылетел во двор и уткнулся в новенькую игрушку. Потом пара билетов на самолет и путевки в Хургаду, стопка договоров, пачка фотографий из круиза, разноцветные безделушки, которые нынче бельем называются...

Время шло, вещей в доме прибавилось, а счастья было не видно, как и раньше. Однажды с блюдечка спрыгнула румяная старушка-домработница — пыль с добра вытирать. Покрутилась она по хозяйству с недельку, уразумела уклад хозяйский и однажды и говорит: «Тетенька, а что ты

смурная такая? Нешто печаль какую испытываешь али нужда в чем?»

Нахмурилась тетенька, в смысле девочка бывшая, и говорит: «Нет нужды у меня, все прекрасно», а старушка продолжает: «А что ж ты как укусу наглоталась?»

Тетенька плечами пожала и пошла к тарелочке за помадой французской — по каталогу приновилась заказывать. Намазала свои губы сжатые фиолетовым, да стала как сейф неприступный и не улыбочивый.

А бабулька смекалистая увидела такое дело да говорит: «Все ты себе подарила, тетенька, да одно забыла: себя у тебя нету. Вещи ты любишь, и вещей у тебя полон дом, а вот ты сама себя не любишь и потому сама у себя отсутствуешь». Как схватит тетеньку! Да как посадит ее на блюдечко!

Тетенька верещит, упирается, боится блюдечко раздавить — она еще сервиз не заказала перламутровый! Но старушонка ловкая оказалась, под микитки тетеньку держит да верещит весело:

Тетку в блюде посажу,
саму к себе приворожу,
коль себя сможешь любить,
то счастливо будешь жить!

Тут перестала тетенька упираться, заулыбалась, помаду синюшную обтерла, с блюдца прыгнула и рассмеялась, потому что опять в девчонку превратилась. Только в веселую. Заскакала девчонка, хвалилки и смеялки себе поет, лепестками

Лисси Мусса

себя обсыпает, яблочную воду душистую на себя из кувшина расписного поливает и радуется! И никому ничего не должна!

Да с нее никто ничего и не спрашивает — все ей только радуются да любят!

Любовь — великая сила!

И сервиз ни при чем получается...

Тапочковый переворот (большая новогодняя сказка)

«Ой, да зазноси-и-и-и-и-и-и-и-и-и-ило!»

Песня была тоскливая, неделя была несчастливая...

В доме было неуютно. Осень плакала, октябрьский дождик поливал, было серо, и знобило — песня была правильная. Серенада Марципановна запахнулась в теплую курточку и оглядела свою недвижимость. Недвижимость требовала ремонта, причем требовала немедленно и безоговорочно, иначе грозила беспорядками и переворотом.

Серенада поморщилась — это была наболевшая проблема из проблем. Ремонт начался года четыре назад и оборвался на полуслове, вытесненный работой, командировками, страхом разрухи ремонтной. На ремонт в хозяйстве средства имелись, но не было ни времени, ни сил. Но впасть в тоску по этому поводу не хотелось, поэтому

Серенада попыталась сделать веселое лицо и превратить все в игру — иначе долгожданные выходные были бы загублены тяжелыми думами.

— Ну-с, переворотов мы не боимся, мы себе сейчас сами переворот устроим! — Серенада Марципановна плюхнулась на диванчик, притворилась веселой и перевернулась два раза с боку на бок и еще один раз через голову.

— А вот ремонтов мы опасаемся, — пробурчала потихоньку она, — особенно капитальных.

Уселась за стол и стала думать думать. «Переворот — штука знатная, это мы в школе по истории проходили — весь учебник сплошные перевороты. И нынешний век ввел моду на перевороты фактурные — судите сами: на стыке тысячелетий были модны бархатные революции, затем пошли цветные: оранжевые, голубые. В Грузии вот розовую устроили, зеленые тоже вечно что-то переворачивают, иногда даже пароходы... Как переворачивают пароходы? Наверняка ведь «не так, как поезда» — закралась в ум философская мысль, но Серенада Марципановна пресекла сию умственную эскападу и вернулась в реальность:

— Да, другого выхода нет. — Она села за компьютер, потыкала клавиатуру, и вот потянулась из принтера бумага с пугающе крупным малинового цвета шрифтом:

ОСТОРОЖНО! РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ!

Три листа пришлось склеить. Получился прямо плакат строительный! Надо на дверь входную

Содержание

Юная прекрасная девица улетает далеко-далеко 5

ИГРЫ С ФОРТУНОЙ

Мы пойдем другим путем 6

Конфета-Поэта 10

Премия 19

Перламутровый сервис 23

Тапочковый переворот
(большая новогодняя сказка) 26

Девочка-обезьяна 65

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Геоэтнография и топонимика 69

Уфа!!! 70

Херсон 70

Кемь. Пятигорск.
Семипалатинск. 71

Самара 73

Ленинград 75

Фрязино 76

Абрамцево 77

ИЗ КНИГИ ПУТЕШЕСТВИЙ

Лодочка в Китай 80

Уик-энд в Стамбуле 139

Лисси Мусса

Индийские похождения 162

Тосканские картинки 199

НЕ ВРАКИ

A LA PRIMA, или Урок живописи для начинающих
художников 223

Чья же ты память? 234

ИГРЫ ДОТОШНОГО РАЗУМА

о ПОДелках и ПОДделках 241

Секреты Буратино Карловича 247

Три стамбульские штучки 257

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Офигуривательный совет 281

О долгах и медном тазе 282

Жалко, мы не лошадь 283

Совет бухгалтеру 284